

Увидев, как Лин Цанцюн идет с заложенными за спину руками, шагает медленно, но каждый шаг покрывает сотни чи, он в мгновение ока появился перед Лин Цанхаем.

Два человека, похожих друг на друга, но совершенно разных, стояли лицом к лицу, когда вокруг никого не было, и их выражения были разными.

— Ты не должен был трогать её.

Взгляд Лин Цанцюна был глубок и спокоен, эмоции на лице отсутствовали, тон был крайне ровным, словно он говорил не о чем-то очень суровом, а просто обменивался приветствиями со старым другом.

— Слово это я всё устроил.

Когда сталкивался с Лин Цанцюном, Лин Цанхай всегда чувствовал некоторый страх, хотя он и старательно это скрывал. Глубоко в сердце постоянно бушевали поднимающиеся неудовлетворенность и гнев, а также скрытая в глубине зрачков, вечно точущая кости ненависть, всё это не позволяло ему сохранять абсолютное спокойствие перед этим человеком.

Взгляд Лин Цанцюна вернулся и упал на лежащее на земле тело с разбитой головой, безразлично сказал:

— Убийство ради молчания слишком очевидно.

Сказав это, он на секунду остановился, затем добавил:

— Я дал тебе слишком много шансов. Это будет в последний раз.

Сказав это, он развернулся и ушел. Лин Цанхай остался на месте один, вдруг в ярости и безумии закричал, одним ударом кулака сломал старое дерево рядом, в глазах показалось истерическое безумие:

— Лин Цанцюн, ты мне должен, и я заставлю тебя вернуть это в десять, в сто раз больше!

Внезапно угол его рта приподнялся в холодной усмешке, его голос был так холоден, словно доносился из Девяти Земель:

— Но всех, кто тебе дорог, я уничтожу одного за другим!

После того как Чэнь Юй привела Лян Цзинь на Пик Юньгу, та пролежала на кровати два дня, не двигаясь. К счастью, хотя раны были тяжелыми, это были все кожные повреждения. Чэнь Юй дала ей несколько превосходных духовных пилюль и мазей, и через два дня раны на её теле в основном начали срастаться. Если она не будет драться с людьми и будет хорошо ухаживать за собой, уже все будет в порядке.

Прошло еще пять дней, Лян Цзинь помнила, что Лин Цанцюн говорил, будто сегодня день церемонии посвящения во внутреннюю секту, нужно было отправиться на Пик Чэньюнь, чтобы вместе с остальными учениками, вошедшими во внутреннюю секту, участвовать.

Она только вышла из комнаты, как увидела Чэнь Юй в маленьком дворе, ухаживающей за изящным растением.

Чэнь Юй услышала звук, обернулась и улыбнулась, выражение было мягким:

— Почему не поспишь еще немного? Куда ты идешь?

Лян Цзинь моргнула, похоже, Чэнь Юй не собиралась участвовать в церемонии посвящения.

— Учитель, ученик помнит, что сегодня день проведения церемонии посвящения во внутреннюю секту.

Чэнь Юй была добра к Лян Цзинь, поэтому Лян Цзинь придавала большое значение этой церемонии посвящения. Неважно, заботится ли Чэнь Юй о такой внешней форме, она считала, что нельзя из-за такой мелкой травмы на её теле задержать эту церемонию посвящения.

Услышав слова Лян Цзинь, Чэнь Юй встала и подошла к Лян Цзинь, подняла руку и погладила её по голове, мягко улыбнулась:

— Твоя рана еще не зажила, такая церемония, которая просто для проформы, можно и не ходить.

Лян Цзинь не хотела идти на компромисс из-за этого, в её взгляде сквозило упрямство, она прямо смотрела на Чэнь Юй и серьезно сказала:

— Но учитель, ученик хочет участвовать в церемонии посвящения, чтобы преподнести учителю чай уважения.

Чэнь Юй думала, что Лян Цзинь безразлично всё, кроме практики, но не думала, что она будет относиться к этой церемонии посвящения так серьезно, даже если тяжелая рана еще не зажила, всё равно настаивает, только ради той чашы чая уважения.

Такое мелкое дело, как поднесение чая, можно сделать не только на церемонии посвящения, но с точки зрения Лян Цзинь, поднесение чая уважения учителю в обычные дни и поднесение чая на церемонии в итоге различаются. Церемония посвящения — это ритуал. Ритуал существует именно потому, что люди, участвующие в ритуале, в сердце относятся к этому с торжественностью и благочестием, это серьезное отношение. Важно не сам ритуал, а люди, участвующие в ритуале.

Она может не заботиться о сложных этикетах, может быть самоуверенной и невнимательной к мелочам перед Лин Цанхаем, Лин Даоцзы и группой старших, но Чэнь Юй — это человек, которого она уважает от всего сердца. Даже если её реальный прожитый возраст уже превышает возраст Чэнь Юй неизвестно во сколько раз, она всё еще искренне уважает Чэнь Юй как наставника и хочет поднести ей ту чашу чая уважения.

Чэнь Юй долго молчала, наконец с облегчением вздохнула:

— Хорошо, пойдём вместе.

Она перевернула запястье, вытащила Меч из алого нефрита и холодной стали, одной рукой сложила печать, взлетела на мече, в белых одеждах и белой юбке, лицо бессмертной было прекрасным.

Лян Цзинь почувствовала, что тело стало легким, уже твердо упало на тело меча, слой светового экрана, сформированный из истинной ци, обернул её тело, позволяя холодному ветру во время полета на мече не вызывать у неё ни малейшего дискомфорта.

Увидев в глазах Лян Цзинь любопытство, Чэнь Юй улыбнулась и посмотрела на неё, только в

этот момент она почувствовала, что Лян Цзинь все еще ребенок всего лишь пятнадцати лет, поэтому объяснила:

— Это искусство управления мечом, когда ты в будущем достигнешь закладки основания, учитель передаст тебе все такие искусства и методы.

Лян Цзинь была довольно рада, поспешила поблагодарить Чэнь Юй:

— Большое спасибо, учитель!

Чэнь Юй повела Лян Цзинь, летя на мече, всего за несколько вздохов они прибыли на Пик Люйюнь внутренней секты и опустились на Платформу восхождения к облакам на вершине.

В это время на Платформе восхождения к облакам приготовления, связанные с церемонией посвящения, уже были готовы. Все ученики внутренней секты, не ушедшие в практики, собрались здесь для наблюдения. Кроме Чэнь Юй, на сцене сели одиннадцать старейшин внутренней секты этапа закалки тела. Церемонию лично вел Лин Цанцюн.

А такие новые ученики внутренней секты, как Му Тун, ждали под сценой. Не увидев, что Лян Цзинь и Чэнь Юй пришли, Му Тун была немного удивлена и озиралась по сторонам, ища Лян Цзинь.

Когда Чэнь Юй и Лян Цзинь прибыли, церемония как раз должна была начаться. Лин Цанцюн смотрел на Лян Цзинь и двух человек, спустившихся с неба и опоздавших, с крайней беспомощностью. Он думал, что после того, как несколько дней назад Лян Цзинь получила рану, они, вероятно, не придут сегодня. Кто ожидал, что сейчас церемония вот-вот начнется, а они двое снова так спокойно появились.

— Юй, занимай свое место.

Чэнь Юй отвела Лян Цзинь под Платформу восхождения к облакам, чтобы соединиться с Му Туном и другими, как раз вовремя прозвучал голос Лин Цанцюна. Хотя в последние годы она с Лин Цанцюном не была очень дружной, она также не станет портить лицо Лин Цанцюна перед публикой, поэтому наклонилась и кивнула, ответила:

— Ученик повинуется.

После того как Чэнь Юй поднялась на Платформу восхождения к облакам и села, Лин Цанцюн объявил о начале церемонии посвящения. На этот раз шесть новых учеников внутренней секты по очереди поднялись на Платформу восхождения к облакам. Кроме Лян Цзинь, Му Туна и Чжоу Дань, три других ученика еще не поклонились учителю. После обсуждения группой старейшин седьмой старейшина Лин Цзяньхуэй взял Линь Яна в ученики, Ци Цзыхэ стал учителем Чжоу Дань и взял её под свое крыло, а Цинь Фэна взял в ученики девятого старейшина.

После того как место каждого нового ученика было определено, старые ученики поднесли чай уважения. Группа новых учеников встала на колени и склонила головы, поклонились учителю девять раз и с уважением поднесли чай уважения, в один голос сказав:

— Учитель, пожалуйста, выпейте чай!

Их голос был стройным и громким, далеко распространился с вершины Пика Люйюнь.

Лян Цзинь с почтением держала чашку чая обеими руками твердо, опустила веки и склонила голову, отношение было благочестивым.

Чэнь Юй не знала, о чем вспомнила, пристально глядя на глаза Лян Цзинь, вдруг они покрылись слоем водяного тумана. Она чувствовала, что горло сухое, кончик носа закислен, выражение застыло, взгляд словно сквозь Лян Цзинь видел другое место, едва не невольно заплакав.

К счастью, её самоконтроль всегда значительно превышал обычных людей, она быстро настроила эмоции, которые были на грани потери контроля, глубоко выдохнула, сжала губы и выдала улыбку, приняла из рук Лян Цзинь еще теплый чай уважения.

Хотя чай и не был дорогим, попадая в горло, он был сладким и чистым, словно теплый поток спустился по горлу, гладил сердце.

Лян Цзинь слегка повернула голову, получив разрешение встала, улыбка на лице была чистой и искренней.

Чэнь Юй поставила чашку чая, взяла из рук учеников по бокам поясной знак личности ученика внутренней секты, собственноручно повесила его на пояс Лян Цзинь. Её белые как нефрит руки провели по тому поясному знаку, на котором было вырезано имя Лян Цзинь, в глубине глаз пронеслось мгновенное сложное выражение. Когда-то давно, она также была так, прошла ритуал посвящения, и Лин Цанцун собственноручно повесил ей на пояс поясной знак.

В то время она также была в таком нежном возрасте.

Нет обид, нет боли и чувства несправедливости, каждый день в будущем полон ожиданий.

Хотя сложный взгляд Чэнь Юй оставался в глубине зрачков только на мгновение, он всё же был полностью принят глазами Лян Цзинь. В её сердце возникло много вопросов. Что за боль, все эти годы скрывавшаяся в глубине сердца Чэнь Юй, о которой она никому не говорила?

Она не выбирала дерзко спрашивать. В прошлой жизни Чэнь Юй до самой смерти не раскрыла то, что скрывалось в её сердце. Это обязательно должно быть то, что она не может отпустить в этой жизни.

После того как Чэнь Юй повесила поясной знак для Лян Цзинь, она взяла белую одежду, на воротнике была вышита зелень бамбука и узоры облаков, работа была крайне тонкой. Она надела эту белую одежду на Лян Цзинь, оригинальный черный пиджак был дополнен белым халатом, холодный и строгий дух немного ослабился, напротив, показал две доли парящего и чистого чувства.

Чэнь Юй нежно поправила воротник Лян Цзинь, затем удовлетворенно улыбнулась:

<http://bllate.org/book/16682/1530998>